

© Е. Г. Муратова

**ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У БАЛКАРЦЕВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Осуществление модернизирующих реформ на Северном Кавказе всегда было связано с взаимодействием местной этнической культуры и норм, привнесенных извне. Поэтому их результаты предопределялись не только содержанием реформаторских программ, но и степенью их совместимости с местной социокультурной и правовой традицией. В наибольшей степени это суждение относится к земельным преобразованиям.

С 1860-х годов существенно изменилось соотношение внутренних и внешних факторов собственного цивилизационного развития северокавказских народов, резко нарастало и оказывалось доминирующим влияние внешних модернизационных процессов, связанных с либерализацией политической, общественной и экономической жизни России. Реформы на Северном Кавказе осуществлялись после завершения Кавказской войны и были связаны с одновременными поисками механизмов устойчивой интеграции местных этносоциальных общностей в социально-политическую систему империи и форм их "дозированной" модернизации, совместимой с социокультурными традициями народов региона. Они знаменовали начало сравнительно длительного периода "мирного развития" для Северного Кавказа.

Иллюстрацией стремления к неконфликтному совмещению различных социокультурных систем могут служить следующие строки в указе Александра II Правительствующему Сенату (декабрь 1869 г.): "В виду надлежащего устройства аульных обществ горского населения Кубанской и Терской областей и общественного их управления, предоставить наместнику Кавказскому применить к ним постепенно те правила общего Положения 19 февраля 1861 года, которые окажутся соответствующими обычаям и правам означенного населения" (РГИА: 54). В целом освобождение зависимых сословий на Кавказе проходило с максимальным учетом пожеланий местных владельцев. За этим последовало продолжительное, до начала XX в., разбирательство в поземельных отношениях горцев, межевание и разграничение территорий. Апелляция к традициям северокавказских народов постоянно сопровождала документальное оформление земельных владений. Именно в это время и в научном кавказоведении, и в документации специально созданных правительственных комиссий появляются первые описания традиционных поземельных институтов народов Северного Кавказа.

Изучение процесса включения аграрных окраин империи в русло экономического развития всей страны и формирования единого правового пространства, анализ итогов и уроков аграрных реформ в экономической, социальной и культурной сферах не возможны без уяснения специфики традиционных поземельных институтов различных этнических групп северокавказского региона. Ведь, в конечном счете, вектор и динамика аграрных преобразований зависели не только от природных факторов, но и от особенностей социокультурного развития народов региона.

В этой связи представляется небезынтесным рассмотреть комплекс традиционных поземельных институтов, существовавших в балкарских обществах в середине XIX в. и проследить их трансформацию к началу XX в. К этому времени земельный

вопрос приобрел особую остроту в Нагорной полосе Терской обл., а предварительное исследование правовых отношений и проведение там межевых работ вызвали необыкновенную для традиционного общества социальную мобилизацию. По свидетельству экспертов, Нальчикский горский суд рассматривал иногда "многотысячные земельные процессы, касающиеся пользования землями, расположенными в пяти горских обществах Нальчикского округа, территория которых еще не обмежевана; в этих обществах земельный вопрос еще не разрешен в законодательном порядке, но в них искони существует крупная земельная собственность и целая система юридических земельных институтов..." (Агишев, Бушен 1912: 106).

Описание сложной системы поземельных отношений балкарцев XIX в. содержится в документах того времени. Все участки в горах – пастбищные, покосные, лесные, пахотные – имели собственные названия, известные с незапамятных времен. Их границы были общеизвестны и последующие земельные разделы производились обязательно в присутствии свидетелей и новые границы обозначались каменными стенками, закопанным в землю углем или приурочивались к определенным природным "меткам" – ручьям, рекам, вершинам горных хребтов. Из-за отсутствия земельных планов вопрос о границах постоянно волновал владельцев участков, поэтому в прежние времена существовал следующий обычай: старики передавали более молодым сведения о земельной собственности, а, проезжая по участкам, указывали их границы (РГВИА 2: 37об.).

Следует обратить внимание на некоторые интересные обычаи, связанные с земельными отношениями балкарцев. Так, при покупке земли родственники имели преимущество перед посторонними покупателями, а если сделка уже состоялась, они обладали правом выкупа проданного участка. В случае отказа родственников это право переходило к соседям, и только при отказе и тех и других право на покупку земельного участка предоставлялось всем желающим. В "объяснении" землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области, поданном в 1909 г. в "Комиссию по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области"¹, разъяснению этого порядка земельных правоотношений уделено особое внимание, так как он проявлялся и во всех других поземельных институтах горцев. Для уяснения их сущности, по мнению выдающегося балкарского общественного деятеля начала XX в. Б. Шаханова, необходимо было знать о тех правах на землю, которые в известных случаях, кроме юридического собственника, имели на нее все члены рода, а иногда даже и лица из других родов. Заявляли они о себе в тот момент, когда собственник отчуждал участок навсегда или на время за известное вознаграждение (будь то продажа, аренда, *бегенда* – см. о ней ниже – и пр.). Даже в случае уже состоявшейся сделки члены одного с ним рода в последовательности, соответствующей степени близости их родства к отчуждающему и половозрастным предпочтениям в обществе, получали право, уплатив чужеродцу заплаченную им сумму, взять на тех же условиях этот участок. Б. Шаханов расценивал это "как право выкупа членами рода родовых имуществ, перешедших к чужеродцам". Если же никто из членов рода не претендовал на эту землю, то право выкупа переходило к владельцу смежного участка (РГВИА 2: 38об.).

В докладной записке Временного отделения Нальчикского горского словесного суда от 28 мая 1886 г. о продаже пахотного участка в Хуламском обществе говорилось: "По существующему в среде местного населения обычаю, горец, желающий продать свое имение, обязан объявить о том всем своим родственникам, так как им предоставляется предпочтительное перед другими право на покупку такого имения, и только в том случае, когда никто из родственников не пожелает приобретать продаваемое имение, и все они дадут согласие, имение может быть продано в посторонние руки, и за-

тем родственники продавца, не воспользовавшиеся своевременно предоставляемыми им обычаем правами, теряют их" (ЦГА КБР 3: 1).

По данным Н.П. Тульчинского², даже шариат стоял на защите материальных интересов родственников. Если молящийся во время намаза вдруг услышал о продаже земельного участка родственника, то мусульманский закон позволял ему прервать молитву и заявить о родственных отношениях с продавцом и о желании приобрести этот участок (*Тульчинский* 1903: 214).

Как свидетельствуют документы, родственники часто прибегали к своему праву первоочередной покупки и заводили судебную тяжбу за проданный участок, даже если срок давности насчитывал несколько лет (*Крикунова* 1959: 156–158).

В XIX в. в Балкарии существовали и другие своеобразные поземельные институты, регламентируемые нормами обычного права, такие как *эмчеклик*, *бегенда*, *ортак*. Они сложились очень давно, но на протяжении XIX столетия под воздействием модернизационных процессов трансформировались и наполнялись новым содержанием.

В материалах, относящихся ко второй половине XIX в., упоминаются лица, владевшие земельными участками на основе *эмчекского дара*³. Так, Алхас Буштоков, как сказано в документе, "с давних времен пользовался клочком земли, который был отдан Буштокову в эмчекский дар Боташевым" (ЦГА КБР 3: 1). В материалах Абрамовской комиссии названы З. Цораев, в руках которого находился участок в 0,6 десятины, отданный ему М. Мисаковым на эмчекском праве, и Батчаев, владевший участком в 0,4 десятины, подаренным Б. Айдаболовым (Труды комиссии 1908: 58).

Эти поземельные права связаны с широким распространением в горских обществах Северного Кавказа такого социального института, как *аталычество*, достаточно хорошо изученного этнографами (*Косвен* 1961: 116–118; *Гарданов* 1973; *Боташев* 2001: 153–193). Исследователи отмечают различные социально значимые функции этого института. Во-первых, он, способствуя установлению родственных отношений между представителями различных этносов, создавал механизмы поддержания упорядоченных, регулируемых по понятным правилам межэтнических отношений и тем самым содействовал устойчивому воспроизводству традиционной этнорегиональной системы. Во-вторых, в традиционном обществе этот институт служил инструментом регуляции актов насилия и прекращения вражды через искусственное усыновление. В-третьих, в среде феодализовавшейся знати он получил распространение между лицами неравного социального статуса, устанавливавшими таким образом отношения патрона-клиентеллы, что укрепляло и расширяло иерархическую структуру общества. Особенно важна и специфична для горских обществ, страдавших от малоземелья, экономическая составляющая института аталычества, наложившая отпечаток на характер землевладения.

Суть обычая аталычества заключалась в том, что новорожденных детей из знатных семей отдавали на воспитание в семье представителей других сословий. Пребывание в чужом доме продолжалось до 15-летнего возраста. Воспитатели назывались *аталыками*, а их дети – *эмчеками*. Родители воспитанников принимали на себя определенные обязательства по отношению к семье аталыков. *Таубии* (горские князья) делали подарки аталыкам, а воспитанники – своим молочным братьям (эмчекам). Эмчеки⁴ считались состоящими в более близком родстве чем кровные родственники. Дарам чаще всего были участки земли. Эмчеки получали землю в потомственное владение либо пожизненное пользование, за это они ежегодно выплачивали своему молочному брату так называемую *эмчекскую подать*. Эмчек, получивший землю и находившийся под покровительством таубия, обязан был, во-первых, отдавать собственнику земли часть калыма при выдаче замуж своих сестер и дочерей, во-вторых, оказывать ему личные услуги. Таким образом, подарки в виде земельного участка не являлись возмещением расходов на воспитание. Взяв землю, семья кормилицы попа-

дала в зависимое положение от таубия. Если нарушались эмчекские условия, то ата-лык или его наследники могли возвратить землю собственнику, освободиться от своих обязанностей по отношению к нему, а таубий, как только обнаруживалось какое-либо нарушение условий, определяемых обычаем, имел право отобрать свой участок. Но многие эмчеки ввиду острого малоземелья не могли пренебречь обязанностями, чтобы не лишиться источника жизни, поэтому эмчекские повинности переходили по наследству. Таким образом, земля, полученная на основе эмчекского дара, находилась в условном владении.

Еще до отмены крепостного права таубий Ш. Джанхотов подарил земельный участок молочному брату Зуге Бузиеву. При личном освобождении последний передал его некоему Женокову, у которого этот участок купил Башиев. Прошло около 10 лет. Джанхотов потребовал вернуть ему данный участок, так как Бузиев не стал нести повинностей эмчека. По решению властей земля была отобрана у Башиева и передана Джанхотову (ЦГА КБР 2: 1 и об.).

Вероятно, до отмены крепостного права в горах (1867 г.) эмчекство было одним из важных институтов, благодаря которому формировалась социальная структура балкарского общества. На этот фактор указывали как русские исследователи (*Миллер, Ковалевский* 1884: 571), так и балкарские общественные деятели второй половины XIX в. (*Абаев* 1980: 119). В июле 1867 г. старший член комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской обл. сообщал в Кабардинский отдел этой комиссии сведения о поземельном праве в Урусбиевском обществе, констатировал в частности широкое, по сравнению с другими балкарскими обществами, распространение там института эмчеклик. Из 214 семей баксанцев, не считая самих Урусбиевых, члены 51 семьи, как позднейшие выходцы из разных мест (по сведениям этого источника), получили от Урусбиевых земли на том условии, что последние по своему усмотрению могут отбирать эти участки, передавать их кому-нибудь другому или оставлять за собой. За пользование землей никакой платы не взималось, эти жители, отмечалось в "донесении", находились "в эмчекской связи с Урусбиевыми, которым поэтому имеющие овец дают весною ягненка, а осенью овцу, и при выходе дочерей и сестер замуж из получаемого калыма 20 рублей" (ЦГА КБР 4: 46).

В пореформенный период эмчеклик постепенно себя изживает. Однако его роль в социально-экономической жизни горских обществ еще весьма заметна. Управляющий межевой частью Терской области М. Кипиани, например, просил местную администрацию обратить особое внимание на эмчекское право в пяти горских обществах Балкарии. Коллективное заявление, сделанное горскими обществами относительно всеобщего уравнительного распределения земель между таубиями, каракишами и простым народом, по мнению М. Кипиани, было вызвано решением Нальчикского городского словесного суда по делу Урусбиева. "Г-н Урусбиев почти из первых попробовал предъявить иск о возврате ему участка земли, отданного еще его предками 50 лет тому назад на эмчекском праве. Суд постановил в пользу Урусбиева решение, даже при тех обстоятельствах, что земля уже не находилась в руках ответчика, а перешла чуть ли не в четвертые руки. Подобное решение встревожило все простое население, потому что, во-первых, оно создает сложные расчеты между теми лицами, у которых земля эта побывала в руках, во-вторых, 50 лет человек владел почти безвозмездно землей, уже настолько сроднился с нею, что оторваться и вновь устроить свою судьбу весьма трудно, и, в-третьих, быть может, с отбиранием этого куска земли у него отнимается все, что у него было за душой, и чем он пропитывал свою семью" (РГВИА 3: 140).

В. Миллер и М. Ковалевский в 1880-х годах нашли еще "широкое развитие молочного родства" (*Миллер, Ковалевский* 1884: 571), а Н. Тульчинский в начале XX в. писал об эмчекских отношениях уже как "о почти отживающем обычае" (*Тульчинский*

1903: 216), что происходило под влиянием новых условий социально-экономического развития горских обществ. В трудах Абрамовской комиссии зафиксировано, что в конце XIX – начале XX в. на эмчекском праве в Чегемском обществе находилось всего 15 десятин покоса, в Балкарском – 1,2 десятины пахоты и 45 десятин покоса, в Урусбиевском – 8,1 десятины покоса, а в Безенги и Хуламе таких участков не было (Труды комиссии 1908: 40).

Другой поземельный институт – *бегенда* – существовал под разными названиями у всех горцев Северного Кавказа. Но русскому законодательству бегендное право известно не было. Бегенда возникла в древние времена как обычное поземельное право. В XIX в., когда этот институт был описан впервые, бегенда еще имела широкое распространение во всех пяти обществах Балкарии и в Карачае, более других изолированных от постороннего влияния. Среди прочих горских народов, расселенных на плоскости, следов бегенды не отмечено, редкие единичные случаи этого обычая встречались лишь у осетин (Азаматов 1968: 43) и чеченцев.

По определению советника Терского областного правления Г.А. Вертепова, автора справки в комиссию Риттиха "О владении имуществом на праве бегенды", бегенда есть владение имуществом, ограниченное правом прежних владельцев выкупить его обратно во всякое время. Переход имущества от одного владельца к другому совершался как путем продажи (за деньги), так и путем обмена (например, земельного участка на скот; иногда уплата осуществлялась тем и другим способом, т.е. частью деньгами, частью скотом и иными материальными ценностями). При обратном выкупе имущества расчет производился непременно аналогичными ценностями и в той же пропорции, как и при заключении бегендной сделки, причем следовало возратить то же самое количество золотых, серебряных и медных монет и кредитных билетов (РГВИА 1: 238). Предметом бегендной сделки являлась обыкновенно недвижимость и прежде всего окультуренные участки земли (Кудашев 1913: 264). Они переходили как от более богатых дворов к более бедным, так и наоборот. Н. Тульчинский определил бегенду как своеобразное договорно-залоговое право по денежным и иным ссудам (Тульчинский 1903: 210–211).

Лицо, взявшее себе скот или деньги в долг, отдавало собственный участок земли в безусловное пользование заимодавцу, который и владел им на правах собственника до тех пор, пока ему не будет выплачен долг. Лицо, владевшее землей на праве бегенды, распоряжалось ею в хозяйственном отношении неограниченно: оно могло застраивать участок и сносить постройки, вырубать лес, обращать одни уголья в другие, проводить новые и закрывать старые оросительные каналы. Только на передачу участка третьему лицу необходимо было согласие прежнего владельца (РГВИА 1: 238 об.). Доходы, полученные от владения землей, заменяли проценты. Договор на бегендном праве срока не имел, и бегенда иногда продолжалась десятки лет, переходя от поколения в поколение, но право собственности на участок оставалось за первоначальным хозяином и его потомками. В случае возникновения спора между собственниками земли и бегендаторами первые должны были, согласно обычаю, доказать свои права или свидетельскими показаниями, или письменными договорами. В случае же отсутствия таковых ответчик должен был присягнуть в том, что ни его предки, ни он сам не получал спорный участок на бегендном праве.

Уточняя юридическую сущность бегендных отношений, Б. Шаханов, в частности, указывал, что "по смерти собственника находящегося в бегенде участка земли каждый из его сыновей, кроме принадлежащего всем членам рода права, уплатив чужеродцу всю сумму займа, получить участок целиком, получает еще право, в чьих бы руках участок не находился, выкупить ту часть его, которая приходится ему на долю. Что же касается до наследования бегендного права на участок, находившийся в бегенде у наследодателя, то такое разделу не подлежало, а обыкновенно один из сонаслед-

ников, уплатив другим их наследственные доли в уплаченной наследодателем за участок сумме, брал весь участок на бегендном праве себе" (РГВИА 2: 38 об.). Б. Шаханов отмечал также широкое распространение этого поземельного института в горском быту и приводил примеры нахождения земельных участков в бегенде сотни лет. Так, участок "Ак-тапрак-Чегем" отдан был Гочаевым за семь коров пять поколений тому назад. Вся линия тогдашних владельцев Балкароковых-Тазиевых к моменту записи данного акта уже вымерла. "Можно указать случаи, – писал тот же автор, – сохранившиеся в памяти нашего народа, выкупа находившихся в бегенде участков по истечении многих лет с момента отдачи их в бегенду" (Там же: Л. 39).

Рассуждая о происхождении этого института, М. Абаев, ссылаясь на М. Ковалевского, высказал предположение, что бегендное право перешло в Кавказские горы из древнего Рима через Армению (Абаев 1980: 119). Но эта версия, по-видимому, и самому балкарскому просветителю казалась малоубедительной. Раскрытие сущности института бегенды он связывал с искони существовавшей в горах частной собственностью на культивированные неимоверным трудом земельные участки. К такому пониманию сущности бегенды близок и Г.А. Вертепов. По его мнению, происхождение этого обычая кроется в широко развитом у горцев культе предков. Утрата имущества, созданного руками предков, была, по мировоззрению горцев, большим несчастьем, и обычай повелевал не ставить препятствий к возврату его той семье, которой оно принадлежало изначально (РГВИА 1: 238 об.).

Имеется значительное количество документов, подтверждающих пользование землей на бегендном праве. Например, в прошении Атабиевых, направленном начальнику Нальчикского округа, есть сведения о том, что некоторые жители Хуламского общества взяли в бегендное содержание под сенокос участок земли у Т. Абаева и А. Женокова, лежащий в местности под названием "Жалпак" (Крикунова 1959: 158).

Родственные связи при заключении бегендного договора не играли никакой роли. Случалось, что землю закладывали, если не могли быстро уплатить калым. Так, в 1862 г. Кучук Барасбиев заключил договор с женой, по которому передавал ей пахотный участок до уплаты калыма в размере 300 руб. Даже отец отдавал землю сыну в бегенду. Например, в апелляционной жалобе Джамбот Балкароков указывал, что его отец, Казн Балкароков, взял у сына (брата просителя) в долг 150 руб., а за это отдал землю "Былым" в бегенду бессрочно (Азаматов 1968: 42).

Во второй половине XIX в. в связи с развитием предпринимательства бегенда начинает утрачивать свой первоначальный характер. Бегендой в Балкарии стали называть аренду земли, и эти два понятия постепенно сближаются. Землю в аренду давали не только таубии, но и некоторые крестьяне, которые были не в состоянии обрабатывать собственный участок. Притом отдавали землю тому, кто вносил большую арендную плату. Изменение характера бегенды во второй половине XIX в. было отмечено уже современниками. В официальной справке Г.А. Вертепова сообщалось: "только в самое последнее время широкое развитие кулачества стало вносить в этот обычай искажения, под влиянием которых он постепенно превращается в нечто подобное обыкновенной ссуде под залог недвижимых имуществ" (РГВИА 1: 238 об.). Залогодержатели начали обнаруживать стремление "во что бы ни стало завладеть бегендными землями", для чего устраивали разного рода препоны в отношении выкупа и возврата земель владельцам. Они, чтобы "крепче держать в кабале своих дебиторов, при семейной нужде их", спешили им на "помощь", выдавая дополнительные ссуды. "Таким образом, затягивая натянутую на своих заемщиков петлю все туже и туже, кредиторы достигают полного и беспрепятственного владения бегендными землями навсегда, и только в редких случаях, при особенно благоприятных условиях, земли выкупаются обратно" (Тульчинский 1903: 210–211). Сведения о значительном развитии бегендных отношений имеются и в материалах Абрамовской комиссии, члены которой пришли к

выводу, что бегенда – один из источников образования безземельного пролетариата. А насколько она играла большую роль в экономической жизни горцев, можно судить по тому факту, что к исходу XIX в. около 50% всех земель таубиев находилось в бегенде (Труды комиссии 1908: 40). По подсчетам Н.П. Тульчинского, в конце XIX столетия в горских обществах на бегендном праве состояло 4822 копны поемных лугов, 9935 копен обыкновенного покоса, 1441 копна поемных пашен и 479 копен обыкновенных пашен (Тульчинский 1903: 212).

Другой формой аренды был *ортак* – один из древних поземельных и скотоводческих институтов горцев. Упоминание о нем встречается даже в балкарском фольклоре. Так, интрига бытовой сказки, записанной в Хуламском обществе, разрешается благодаря пахотному участку, который герой произведения держал от старшины на ортакских условиях (Алиева 1983: 264). "Обычное право – ортак (из половины), – писал Н.П. Тульчинский, существует в горах при найме работников-пастухов, при аренде скота и овец или культурных земельных участков" (Тульчинский 1903: 214). Суть его состояла в том, что собственник земли мог отдать свои угодья другим лицам с тем, чтобы те исправно содержали участки, отдавая ему за аренду земли часть урожая. Все труды и затраты, связанные с обработкой и эксплуатацией этой земли, ложились на плечи арендаторов. Они распахивали участки, засеивали его, убирали и молотили хлеб, оставляя себе лишь половину урожая. За аренду пахотной земли (где бы она ни находилась) арендатор уплачивал собственнику половину собранного урожая. За аренду покосной земли, если она находилась вблизи селения, – половину собранного сена. Если же покос располагался вдали от населенного пункта, то арендатор отдавал треть скошенного сена (Там же: 211). За отдачу в аренду участка хорошей пастбищной земли, где могли пастись 100 овец, хозяин земли получал одну овцу с ягненком. За землю худшего качества арендатор отдавал лишь овцу.

Со второй половины XIX в. арендную плату стали брать деньгами, в то время как раньше (до сближения с русскими), расчет был натурой – баранами, молоком. По свидетельству источника начала XX в., "девяностолетний старик Тенгиз Суншев (Безенги) помнит, что при жизни его отца Хази Суншева, за аренду принадлежавшего его отцу пастбища "Джора" арендаторы платили все молоко с пасшегося на нем рогатого скота и из 100 пасшихся баранов – два барана в год" (РГВИА 2: 39).

Почти все категории населения прибегали к ортаку. Но не для всех он играл одинаковую роль. По справедливому замечанию Т.Х. Кумыкова, "ортак одних обогащал, других разорял" (Очерки истории 1961: 61). В ортак обычно отдавали участки, для обработки которых у хозяина не хватало рабочих рук. К такому методу использования своих земельных владений пришлось прибегнуть таубиям, лишившимся после крестьянской реформы главной рабочей силы. В Балкарии наряду с арендой земли существовала и аренда скота. Виды ортака, связанные со скотоводством, хорошо изучены и описаны в этнографической литературе. Статья Е.Н. Студенецкой "Ортак – одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX – начало XX в.)" (Студенецкая 1958) и по сей день остается самым глубоким исследованием этого вопроса.

По данным Абрамовской комиссии, балкарские общества ежегодно вносили арендную плату в размере 65 571 руб., в том числе Урусбиевское общество за аренду пастбищных земель платило 33 308, Балкарское – 13 926, Чегемское – 14 723, Безенгиевское – 2170, Хуламское – 1044 руб. (Труды комиссии 1908: 43). Арендные платежи у балкарцев составляли 6 руб. на одну душу мужского пола. При этом трудно определить, насколько была распространена земельная аренда и субаренда в среде самих балкарцев, так как общие суммы арендных платежей показаны как платежи, направлявшиеся за пределы горских обществ – кабардинским владельцам, казне и т.д. Между тем, как свидетельствуют источники и исследования отечественных историков, к началу XX в. аренда и субаренда земли получила распространение в среде балкарцев

(Крикунова 1962; Кучмезова 1972: 204–226). Вопрос об аренде земли горцами привлекал внимание публицистов и историков еще до революции. В местных кавказских газетах неоднократно сообщалось о лишениях, которые испытывали из-за этого горцы. Однако авторы начала XX в., как правило, объясняли аренду земли только "вопиющей земельной теснотой" в ущельях Балкарии; не учитывая глубокие трансформации, которым подверглось традиционное общество.

В прошении скотовладельца Урусбиевского общества Ч. Ахматова начальнику Нальчикского округа сообщалось: "Нуждаясь для своего скота в пастбищной и покосной земле, где в текущем году из юртовых пастбищ в горной полосе Куденетовского I сельского общества, у доверенных этого общества арендовал часть их пастбищ под выпас скота и под покос на 700 рублей" (Крикунова 1962: 193). В другом документе имеются сведения о том, что скотопромышленники К. Хаджиев и А. Будаев взяли в аренду у Берда Шартанова, арендующего "пастбищные места и хуторные участки", находящиеся в Нагорной полосе Терской области Нальчикского округа, покосные места под названием "Гетмыш-Мизах" (Там же: 192). Приведенные документы свидетельствуют о распространении в горских обществах аренды на покосы и пастбища. Крупные арендаторы брали в аренду большие массивы земли с целью расширения своего хозяйства и спекуляции. Часть арендованных земель они дробили на участки и уже от себя сдавали маломощным крестьянам. Последние брали клочки земли в аренду уже из вторых и третьих рук, переплачивая в два–три раза против первоначальной стоимости аренды Так, в приговоре выборных Урусбиевского общества говорилось: "...жители нашего общества нуждаются в общекабардинских пастбищных местах для арендования по такки в первые бы руки от комиссии по распределению пастбищными кабардинскими землями, но не как от кулаков, которые под разными предложениями берут прежде нас в аренду и раздают нашим жителям по двойной цене..." (Там же: 203)

Субаренда вела к росту арендных цен на землю и дальнейшей дифференциации балкарского общества. Например, участок на Зольских пастбищах официально сдавался кому-либо из богатых арендаторов за 7–8 тыс. руб., а лицо, арендующее эти земли, выручало за них ежегодно не менее 11–12 тыс. В переписке начальников участков и управления Нальчикского округа отмечается особенно большой рост арендной платы за пастбища в последнем десятилетии XIX в. Та земля, "что 10 лет тому назад отдавалась за 100–150 руб. ...теперь отдается по 1000–1500 рублей за осенний, зимний и весенний период и вместе с тем цены арендные каждый год все растут" (ЦГА КБР 1: 48–49). Подобные процессы, как убедительно показал Ф.П. Тройно, имели место у всех горцев Северного Кавказа вследствие вовлечения горских народов в систему русского капитализма (Тройно 1984). Аренда и субаренда способствовали перераспределению земли внутри горских обществ, служили показателями имущественного раскола горского крестьянства, подрывали общинное землепользование.

Таким образом, в пореформенный период в экономике балкарских обществ обнаруживается причудливое переплетение различных укладов, один из которых своими корнями уходит в далекое патриархальное общество, другой связан с процессами генезиса феодальной собственности, а третий – с новыми социально-экономическими условиями, возникшими в результате проведенной российским правительством крестьянской и земельной реформ на Кавказе. Проникая в горы, капитализм разрушал замкнутость местной экономики, но при этом в целях максимального извлечения прибыли находил применение и отсталым формам хозяйственной деятельности и социальной жизни (Фадеев 1961: 20). Поэтому в горах по-прежнему процветали кабальные формы кредита и аренды. Проникавший туда капитал нередко предпочитал использовать институты традиционного общества, вместо того чтобы бороться за их ликвидацию. Под влиянием российских реформ многие поземельные институты балкарцев,

существовавшие издавна, подверглись изменениям. Такие институты, как эмчеклик, ортак, бегенда, теряли свой первоначальный характер.

С этого времени основополагающей чертой общественного быта горцев Северного Кавказа стала двойственность социальных институтов, в которых и через которые они осуществляют жизнедеятельность. Привычные, "естественные" институты, представления и нормы, коренящиеся в этносоциальной и этнокультурной традиции народа, включались теперь в "имперский" социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его мощное давление. Эту двойственность, переходный и противоречивый характер положения горских народов Северного Кавказа в начале XX в. остро ощущали представители местной интеллигенции.

В условиях модернизирующих реформ северокавказские общества обнаружили значительную адаптивность к исторической динамике окружающей социально-политической среды при сохранении целостности основ традиционной общественной организации. Воздействие внешнего фактора в это время не было жестким, не проникало в недра социальной структуры. Однако возрастающая "открытость" традиционных социальных институтов, зависимость их воспроизводства и функционирования от общероссийского социально-политического контекста объективно выдвигали на первый план проблему их цивилизационного качества.

Традиции, которые органично вписывались в экономический быт пореформенного горского общества, и поземельные институты, наполненные иным сущностным содержанием, едва ли могут быть названы пережитками. Происходило не просто углубление интерсоциальных и межцивилизационных взаимодействий, но и параллельный процесс модернизации российского и северокавказского общества.

Примечания

¹ Комиссия по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области была образована приказом по Кавказскому военному округу 18 апреля 1906 г. для разрешения вопроса о землеустройстве населения Нагорной полосы Терской области и карачаевцев Кубанской области. Она известна в литературе под названием Абрамовской комиссии – по имени ее председателя И.Г. Абрамова, юриста при военном окружном совете Кавказского военного округа.

² Н.П. Тульчинский – старший землемер Терской областной чертежной в конце XIX – начале XX в., член Абрамовской комиссии.

³ Эмчекский дар – подарки воспитанника своим воспитателям (*аталыкам*) и молочным братьям.

⁴ Термин "Эмчек" (сосущий грудь) может иметь два значения: 1) воспитанник; 2) молочный брат воспитанника.

Источники и литература

Абаев 1980 – Абаев М.К. Балкария. Исторический очерк // Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980.

Агишев, Бушен 1912 – Агишев Н.М., Бушен Н.Д. Материалы по обозрению горских народных судов Кавказского края. СПб., 1912.

Азаматов 1968 – Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968.

Алиева 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / Сост. А.И. Алиева. Нальчик, 1983.

Боташев 2001 – Боташев М.Д. Аталычество // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001.

Гарданов 1973 – Гарданов В.К. Аталычество. М., 1973.

- Косвен* 1961 – *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- Крикунова* 1959 – Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Нальчик, 1959.
- Крикунова* 1962 – Документы по истории Балкарии (конец XIX – начало XX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Нальчик, 1962.
- Кудашев* 1913 – *Кудашев Н.В.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.
- Кучмезова* 1972 – *Кучмезова М.Ч.* Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в. // Вестн. Кабардино-Балкарского науч.-исслед. ин-та. Нальчик, 1972. Вып. 6.
- Миллер, Ковалевский* 1884 – *Миллер Вс. Ковалевский М.* В Горских обществах Кабарды // Вестн. Европы. 1884. Кн. 4.
- Очерки истории 1961 – Очерки истории балкарского народа (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961.
- РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 993.
- РГВИА 2 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1597.
- РГВИА 3 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 3.
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 13. Д. 93.
- Студенецкая* 1958 – *Студенецкая Е.Н.* Ортак – одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX – начало XX в.) // Сб. тр. Карачаево-Черкесского пединститута. Вып. I. Черкесск, 1958. С. 205–224.
- Тройно* 1984 – *Тройно Ф.П.* Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов н / Д., 1984.
- Труды комиссии 1908 – Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.
- Тульчинский* 1903 – *Тульчинский Н.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сб. Вып. 5. Владикавказ, 1903.
- Фадеев* 1961 – *Фадеев А.В.* Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории. 1959. М., 1961.
- ЦГА КБР 1 – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 608.
- ЦГА КБР 2 – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. 22. Оп. 1. Д. 60.
- ЦГА КБР 3 – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. 22. Оп. 1. Д. 121.
- ЦГА КБР 4 – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77.

E.G. Muratova. Agrarian Relations among the Balkar during the Second Half of the Nineteenth – Early Twentieth Centuries

The article focuses on traditional agrarian relations and institutions of highlanders of the Northern Caucasus during the modernization period of the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. The author provides a description of several land ownership and land use institutions specific to the Balkar, and analyzes them from the viewpoint of their connection to the cultural life of local ethnic communities. She argues that it were precisely these institutions that insured the self-regulation of the Balkar society under external modernization pressures.